

Вперше статтю опублікували росіяни у збірнику, присвяченому 180-літтю Миколи Федоровича Федорова - фундатора

"філософії загальної справи", творця основ

космонавігації, вчителя К.Циолковського.

Його справжнє прізвище - Гагарін. Наші знахідки

щодо київських витоків ідей Федорова-Гагаріна

були з величезною зацікавленістю зустрінуті

російськими істориками філософії.

Див.:

"Служитель духа вечной памяти".

Сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 2/- М.:Пашков

дом, 2010.- 448с. -С.54 - 64.

Волынка Г.И., д.ф.н., профессор
Мозговая Н.Г., д.ф.н., профессор

ОБ ИДЕЙНЫХ СОВПАДЕНИЯХ ЛЕКЦИЙ

□ И. МИХНЕВИЧА

□ И □ СОЧИНЕНИЙ Н. □ ФЕДОРОВА

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ Статья посвящена исследованию одного из малоизвестных периодов жизни Н. Федорова – периоду его пребывания в Одессе, а точнее, его учебе в Ришельевском лицее с 1849 по 1851 гг., где в эти же годы преподавал философию профессор Иосиф Григорьевич Михневич (1809 – 1885).

Среди современных исследователей биографии и творчества Н.Федорова практически документально изучено пребывание мыслителя в более чем в 20 городах Российской империи. Без сомнения, этот список со временем будет продлен. Но при этом удивляет один факт: если тамбовский, рязанский, воронежский, липецкий, подольский, пензенский, ашхабадский периоды жизни мыслителя уже давно стали объектом пристального изучения исследователей творчества Н.Федорова, то одесский период в этих исследованиях по сей день выглядит неким “белым пятном”.

Обратимся же подробнее к тем событиям из жизни Н.Федорова, которые происходили с ним на протяжении 1849 – 1851 гг.

Как известно, в 1849 г. Н.Федоров успешно окончил тамбовскую гимназию и с августа этого же года стал студентом камерального отделения Ришельевского лицея в Одессе. Кстати, в “Истории русской философии” В. Зеньковский ошибочно полагал, что Федоров был студентом юридического отделения на протяжении трех, а не двух лет [2, Т.II, с. 148].

Первое у России камеральное отделение было открыто в 1842 г. при кафедре сельского хозяйства в Ришельевском лицее и готовило специалистов в области естественных и хозяйственных наук. Кроме узко специализированных дисциплин, в лицее читались и нормативные курсы – догматического и нравственного богословия, церковной истории, русской словесности, общей и русской истории, французского и немецкого языка. С философских дисциплин читалась история философии, а также общий курс философии, в который входили психология, логика и эстетика, причем история философии читалась на 1-м курсе, а логика с психологией и эстетикой – на 2-м. Эти и другие подробности учебного процесса прописаны с особой тщательностью самим же И. Михневичем в его труде “Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 гг.” [4, с. 52]. Эта работа сегодня является одним из первых исследований по истории Ришельевского лицея, а ныне – Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. В ней сделан всеобъемлющий анализ всех структурных единиц и подразделений лицея, начиная от внешней характеристики его помещений, описи книжного фонда библиотеки, материального обеспечения различных подразделений и

оканчивая перечислением всех преподавателей с подробным анализом их научной и преподавательской деятельности, а также списком выпускников лицея за сорок лет его существования. При этом о себе Михневич упоминает лишь один раз и то в списке инспекторов, хотя лицеем он отдал 20 лет жизни.

Поскольку И. Михневич был в лицее единственным профессором философии, его не мог не слушать лицеист Н.Федоров, о чем, кстати, бегло упоминает в своих очерках по истории философии в Украине Д. Чижевский [см.: , с.105]. Есть все основания также утверждать, что кроме лекций И. Михневича по истории философии и общего ее курса, будущий основоположник философии “общего дела” слушал и знаменитую речь профессора, прочитанную им на торжественном собрании Ришельевского лицея и посвященную окончанию 1849 – 1850 академического года. Эта речь в 1850 г. была издана в Одессе отдельной брошюрой [9]. Как мы увидим ниже, эта речь содержала некоторые идеи, созвучные дальнейшим положениям Проекта Общего Дела основоположника русского космизма. Конечно же, утверждать наличие идейных совпадений и параллелей в творческом наследии И. Михневича и Н. Федорова не составило бы особого труда, если бы мы могли подтвердить сегодня это совпадение текстуальным признанием самого Федорова. Такое подтверждение мы находим, к примеру, в текстах В.

Соловьева по отношению к его университетскому учителю П.

Юркевичу. Но коль этого не случилось, то наши суждения пока что остаются только гипотетическими.

Познакомимся же поближе с творческой биографией одного из ярких представителей киевской школы философского теизма XIX века, философом, который смог перенести духовно-академические традиции в Ришельевский лицей, и с творчеством которого сегодня философская общественность ни России, ни Украины практически незнакома.

Родился И. Михневич в апреле 1809 г. в семье священника с. Локачи (Владимирского уезда Волынской губернии). Закончил Волынскую семинарию, магистр VI курса (1829 – 1833) Киевской духовной академии (далее КДА), однокурсник П. Авсенева. С 1833 г. – бакалавр кафедры истории философии КДА. Это совпало по времени с открытием в Киеве университета Св. Владимира, куда был приглашен на должность профессора философии с КДА Ор. Новицкий. На его место и пришел И. Михневич [3, с. 759]. В это же время (1833 г.) профессор философии КДА Н. Карпов

получил назначение в Санкт-Петербургскую духовную академию. Следует отметить, что это было время наиболее благоприятное для расцвета молодых талантов, поскольку ректором КДА тогда был знаменитый Иннокентий Борисов. Выбор же И. Михневича на место Ор. Новицкого говорит о том, что Михневич в то время был единственным достойным претендентом возглавить кафедру истории философии в КДА. С 1836 г. Михневич экстраординарный профессор КДА, а с 1839 г. – профессор философии Ришельевского лицея в Одессе.

В те времена преподавание в светских учебных заведениях давало значительно больше материальных благ, чем в духовных. Поэтому преподаватели духовных академий с большой охотой шли работать в светские учебные заведения, где они пользовались большим уважением, поскольку в первых получали более серьезное философское образование. В светские институции перешли и другие преподаватели КДА – С. Гогоцкий и П. Юркевич.

В Ришельевском лицее И. Михневич проработал 20 лет, читая там все философские дисциплины, а именно, историю философии, логику, психологию и эстетику [см.:3, с.759]. Следует подчеркнуть, что И. Михневич переходит в Ришельевский лицей в 1839 г. А с 1837 г., в соответствии с новым Уставом, лицей был реорганизован в высшее учебное заведение университетского типа. До этого он приравнивался к уровню классических гимназий дореволюционной России. В реорганизованном лицее существовало два отделения: физико-математическое и юридическое, а с 1842 г. открывается и камеральное отделение, как мы говорили выше – первое в России [4, с.52 – 53].

Известный поэт и переводчик Петр Вайнберг, в прошлом лицеист, спустя много лет вспоминал лекции И. Михневича: „...то время, в которое воспитанники лицея сходились в аудиторию слушать живое слово любимого профессора, его ясное, серьезное и захватывающее изложение, было самым лучшим временем в их студенческой жизни ” [3, с. 760].

Но наступил судьбоносный 1850 год. Правительство, напуганное революциями в Европе, внедряет строжайшие меры по преподаванию гуманитарных наук и фактически запрещает преподавание философии в светских учебных заведениях. Преподаватели

философии были уволены, или переведены на другие кафедры и должности. Среди философских дисциплин остались только логика и психология, но и их чтение было поручено профессорам богословия, которые работали по учебной программе, разработанной в Московской духовной семинарии и утвержденной Св. Синодом. Не обошли эти репрессии и Ришельевский лицей, и конкретно И. Михневича. В силу этих причин он был переведен на административный пост – на должность инспектора лицея. Одновременно он был советником правления лицея, членом Одесского общества истории и древностей, а также в течение 20 лет издавал Новороссийский календарь. С 1856 г. И. Михневич сотрудничает с Н. Пироговым, который в то время возглавил Одесский учебный округ, а в июле 1858 г. И. Михневич, по приглашению Н. Пирогова, возвращается в Киев теперь уже в качестве помощника попечителя Киевского учебного округа, возглавляемого знаменитым хирургом. После отставки Н. Пирогова в марте 1861 г. с должности попечителя Киевского учебного округа (указом царя Александра II) и до назначения на эту должность барона А. Николаи, обязанности попечителя округа временно выполнял И. Михневич. Как позже вспоминал известный киевский педагог и общественный деятель Н.Чалый, “во времена кураторства Пирогова и после его отставки, а также еще при двух других попечителях (А.Николаи, Ф.Витте), Иосиф Григорьевич неукоснительно соблюдал принципы Николая Ивановича. И если хоть что-нибудь еще оставалось в гимназиях от реформ Пирогова, то этим мы обязаны только Михневичу. Кроме учебно-воспитательной деятельности, Михневич оставил о себе добрую память своим гуманным отношением с подчиненными. Кто не помнит этого простого и человеческого отношения ко всем, кто обращался к нему по служебным или по частным вопросам?” [14, с.77]. И далее Н. Чалый с юмором вспоминал, что “едва ли не единственным человеком в учебном округе, который остался недоволен обходительным обращением Михневича, был эконоом учительской квартиры при 2-й киевской гимназии штабс-капитан Ильин. Был у него одиннадцатилетний сын, который, насмотревшись на пожары в Киеве, захотел поближе поглядеть на это зрелище. Он подпалил дрова, а сам удрал на квартиру, сел на подоконник и стал ожидать, когда дрова разгорятся. К счастью, дворник увидел дым и успел потушить пожар”[

14,

с. 77]. Позже штабс-капитан Ильин жаловался Чалому: “Извините, но какой он начальник? Прихожу я к нему после содеянного баловства, а он ко мне очень вежливо обращается с предложением, чтобы я садился. Боже мой! Да на что это похоже? Этого я не понимаю. Если я виноват, то нечего со мной носиться. Необходимо было так меня пронять, чтобы в пот бросило. А он – прошу садиться. Ну что это за начальник? Извините, но я этого не понимаю!”[14, с.77]. Дальнейшая судьба И.

Михневича после отъезда из Киева связана была с педагогической деятельностью в

Варшавском учебном округе, но ее подробности сегодня остаются абсолютно неизвестными.

И. Михневич является автором относительно небольшого количества работ. Это такие работы как: “Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях”(1839) [6], “О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях” (1840) [7], “Задача философии” (1842) [5], “Опыт постепенного

развития главных действий мышления, как руководство для первоначального преподавания логики”(1847)

[8] и уже упоминавшаяся выше работа “Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов. Речь читанная на торжественном собрании Ришельевского лицея по случаю окончания 1849/1850 академического года” (1850)

[9].

По мнению Г. Шпета, более всего в философских взглядах И. Михневича просматривались шеллингианские идеи [16, с. 409], а с точки зрения Д. Чижевского, у профессора преобладали гегелевские мотивы, в частности историзм Гегеля [15, с.101]. У В. Зеньковского же мы находим следующие суждения по поводу философских воззрений Михневича: “К Киевской школе принадлежал еще и И. Г. Михневич, ставший преподавателем лицея в Одессе, давший очень ясное изложение Шеллинга, склонявшийся отчасти к Гегелю“

[
2,

Т.1, с.361

]

.

Теперь мы кратко остановимся на ключевых идеях философии И. Михневича, которые, как мы считаем, созвучны аналогичным идеям Н. Федорова. Прежде всего, следует отметить, что для всех выше перечисленных работ философа характерна христианско-антропологическая направленность. В принципе по иному и быть не могло: как воспитанник и профессор высшего православного учебного заведения России, Михневич по своим мировоззренческим воззрениям мог преподавать философию только в рамках христианско-православной традиции, что он успешно и делал. Питая же симпатии к Шеллингу, причем к Шеллингу-романтику, Михневич и лекции свои читал в этом же ключе. В частности, в одной из своих ранних работ “Об успехах греческих философов, в теоретическом и практическом отношениях”[6] Михневич, анализируя взгляды античных философов, обращает внимание на ценностный аспект природы. Он ставит вопрос о ее “темной стороне”, о ее враждебности человеку, о злой природе, о сближении человека с природой, о силе, которая возносит человека и господствует над природой, то есть о разуме [см.: 6, с. 129 – 145]. Конечно, за этими положениями просматривается как шеллингианское единство духа и природы, так и их полярность, но тезис о злой природе, неразумная слепота которой является причиной разрушения и смерти, вскоре станет одной из ключевых идей в творчестве Н.Федорова. Оба философа хорошо понимали факт разъединения духа и природы как проявление феномена отчуждения, который в XIX веке был объектом пристального изучения у представителей западноевропейской философии. Речь идет об отчуждении человека

от природы, от самого себя и от общества. Проблему отчуждения, как знаток немецкой классической философии, активно изучает Михневич. В этом же ключе Федоров поднимает вопрос о “братстве и причинах небратского состояния мира” [13, с. 53].

Справедливости ради, отметим также различия во взглядах двух мыслителей относительно проблемы отчуждения в сфере духа и природы. Если Михневич только фиксирует эту полярность среди оппозиции “знание – вера”, “человек – мир”, то Федоров эту полярность конкретизирует и придает ей социальную окраску. Оппозиция “дух – природа” выступает у него как разорванное противостояние ученых и неученых, теоретиков и практиков, мысли и дела. По глубокому убеждению Н.Федорова, такое противостояние необходимо преодолеть, чтобы вновь восстановить единство человеческого рода. Михневич также выступает за единство противоположностей [6, с. 180]. Идея синтетизма преобладает даже в его работе по логике [8].

Каким же образом представляется И. Михневичу и Н. Федорову возможным объединение противоположности духа и природы, ученых и практиков?

Ответ на этот вопрос мы находим в уже упоминаемой нами выше ранней работе И. Михневича “Об успехах греческих философов, в теоретическом и практическом отношениях” [6]. Объясняя отчужденность духа от природы, философ отмечает, что дух ограничивается, во-первых, Откровением, и, во-вторых, и это для нас является очень важным, – делами [6, с. 164]. Дело является проводником, с помощью которого дух входит в природу. Проблема деятельности (дела) рассматривается Михневичем и в других его работах [см.: 5, с. 121 – 122; 7, с. 34], в частности в уже упомянутой выше работе “Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов” [9]. В этой работе Михневич демонстрирует полную солидарность с Шеллингом, относительно крайней неудовлетворенности последнего взаимной оторванностью теоретического и практического разума у Канта. По мнению Михневича, этот дуализм затруднился снять и Фихте, который исходя из единственного начала “Я”, вынужден был прийти к метафизическому эгоизму. Эгоизм оценивался Михневичем, а позже Федоровым, крайне негативно. Профессор следующим образом характеризует эгоизм – это “попытка ослабить все связи души с миром – местом первого ее назначения, и с Существом Верховным – виновником ее последней судьбы, – это означает дать мышлению ума ложное направление и покрыть мраком смерти все, чему дана Всемогущим Творцом полнота жизни и обилие действующих сил” [9, с. 23 – 24].

Анализируя подход Шеллинга к проблеме снятия дуализма духа и природы,

теоретического и практического разума и преодоления метафизического эгоизма, что делает природу чуждой и вражеской силой, И. Михневич демонстрирует свое видение выхода из данной проблемной ситуации. Его не удовлетворяет ответ немецкого идеалиста, что „... бытие и сознание, вещь и идея – это два полюса одного центра и поэтому в своем безусловном начале они тождественны” [9, с.31]. Он перестает спрашивать, в чем, или в ком олицетворяется этот общий центр, это абсолютное начало [см.:9, с.30] в лоне которого природа есть дух, а дух – природой? Если это начало есть абсолют (так считал Шеллинг), который пронизывает и природу, и дух, тогда немецкий философ – пантеист, что, по мнению Михневича, не совсем хорошо. Поэтому он везде подчеркивает необходимость признания трансцендентного Бога.

Каким образом, по мнению И. Михневича, осуществляется одушевление природы и снятие ее враждебности и отчужденности? В связи с этим считаем необходимым, обратить особое внимание на идею, которую провозглашает И. Михневич и которая является центральной в творчестве Н.Федорова – это идею оживления мертвого вещества, в частности идею воскрешения тел предков.

Идея воскрешения во плоти оставалась в центре внимания И. Михневича на всем протяжении его преподавательской деятельности, что и не удивительно, принимая во внимание его следование духовно-православной традиции. Так, анализируя мировоззрение древних греков, он подчеркивал: „Человек был для себя непонятной загадкой. Не говоря о тех, которые то низводили его в класс вещей материальных, образуя и самую душу его из той же грубой материи, из какой составлено его тело, то превращали его в чистого духа, признавая тело человека чем-то неестественным или случайным: даже те из философов, которые правильно разумели двойственную природу человека, только наполовину понимали соединение в человеке двух начал, духовного и вещественного. Настоящий союз души и тела для них казался никогда и ни в каком виде не восстанавливаемым, после болезненного расторжения в минуты смерти. Переселение душ в другие тела они представляли возможным; а о новом соединении той же души с тем же телом никто и не думал” [6, с.151]. Академический учитель И. Михневича по КДА профессор философии И. Скворцов в последних заметках своего дневника также писал созвучные Федорову мысли: „Нужно полагать, что тела наши не пропадают, хотя смешиваются с элементами, с телами животных и растений. Каким образом? Должно быть такое бессмертное семя в теле нашем, может быть внутреннейшее облачение души, с которым она отходит из тела. Это семя привлечет из области стихий свойственные себе части, хотя и не все те, какие прежде составляли тело того или другого человека. Сила животворящая сообщится душе и ее внутреннему или ближайшему облачению, а потом и всему составу, извлеченному из стихий. Таким образом, мертвенное проникнуто будет силою бессмертия” [1, с. 486]. Эти мысли записаны И. Скворцовым в его дневнике в 1861 г.

В этом контексте хотелось бы подчеркнуть еще один интересный факт. Непосредственный начальник И. Михневича по работе в Одесском и Киевском учебных округах – Н. Пирогов был после смерти забальзамирован и помещен в подготовленный мавзолей в собственной усадьбе с. Вишня под Винницей.

Рассуждая в русле ортодоксального догмата воскрешения во плоти, И. Михневич вынужден под этим углом рассматривать и более общие вопросы, в частности, об одушевлении и оживлении природы, как оно конкретно изложено у Шеллинга.

Возвратимся же снова к работе Михневича о философии Шеллинга, где он обращает внимание на размышления Шеллинга об упорядоченности природы всеобщим началом и размышляя о сущности этого всеобщего, приводит цитату Шеллинга: “Это общее, как начало всех частных беспрестанно действует, обращая в живые существа землю, воздух и воду; но это оживление, имеющее свою поэзию, есть или только видоизменение элементов материи, или совершенное перетворение их” [9, с.30]. Согласно Шеллингу, видоизменение вещества есть действием самой природы, Михневич же, следуя христианской традиции, дополняет Шеллинга, утверждая, что претворение требует Творца. Причем под творцом он понимает как Бога, так и Его подобие, т.е., человека. И далее И. Михневич склоняется к мысли, что “общее” или Бог, как источник одухотворения природы, реализуется через дела отдельных людей, в этом то и заключается одухотворяющая и воскрешающая сила природы.

Мы знаем, что у Н. Федорова “всеобщее” выступает средством преодоления отчуждения, но он рассматривает его как общее дело людей, которые выполняют свое предназначение, данное им Христом – Воскрешение и Вознесение. Это дело ученых и неученых, теоретиков и практиков. Цель всеобщего воскрешения – “... может быть достигнута не “уничтожением” вещественной стороны мироздания, не преуменьшением ресурсов его, а объединенным и усовершенствованным развитием всех сил природы вещественных и духовных, однако развитием не в процессе несвободной эволюции, а в свободном и волевом процессе регуляции существ разумных и моральных, работающих вместе для общего дела” [12, Т.2, с.182]. Такое общее дело возможно только после преодоления “небратского” состояния современного общества, которое изменится благодаря достижению единства с прошлыми поколениями, т.е., благодаря воскрешению предков.

Учитывая то, что Н. Федоров в течение последующих тридцати лет письменно не

излагал своих взглядов и лишь после 1878 г., выполняя просьбу Ф. Достоевского, начал описывать свою систему, но при этом оставил без ответа вопрос о времени ее возникновения. В этом отношении некоторый свет проливают лишь его эстетические и философские фрагменты. Как известно, написаны они были после 1900 г., т.е., в конце жизни. Эти фрагменты представляют для нас большой интерес, поскольку они проливают некоторый свет как на те идеи, которые сам Федоров считал исходными началами своего учения, так и на то время, когда эти идеи возникли [13, с.623 – 637].

В частности во фрагменте девятом, речь идет об основополагающей идее преодоления противоречия между эгоизмом и альтруизмом, пятидесяти- двухлетний юбилей которой Н. Федоров отмечал в 1903 г. „Разрешение антиномии эгоизма (тех, кто убивает) и альтруизма (тех, кого убивают) возможно, только возвращением жизни первым вторыми, то есть воскрешением последних.

Пятьдесят два года исполнилось со времени рождения этой мысли, плана, который, – пишет Н.Федоров, – мне казался и кажется, наиболее величественным и одновременно самым простым, естественным, не надуманным, а самой природой рожденным! Мысль, что через нас, через умные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и уничтоженное ее же все еще существующей слепотой и тем самым выполнит волю Бога, становясь подобием Его, Творца своего, – может ли быть эта мысль неестественной?!” [13, с.633 – 634].

У нас нет сомнения, что приведенная выше основополагающая идея проекта Н. Федорова являются хорошо известной и не требует каких-либо комментариев, но обратим внимание на некоторые обстоятельства ее возникновения. Сам Н. Федоров в восьмом фрагменте пишет, что эта основополагающая идея явилась ему осенью 1851 г., еще до выхода в мир автобиографической повести Л. Толстого „Детство” (увидела свет в 1852 г.), в которой имелись мысли, созвучные настроениям Н. Федорова в те годы [13, с.632]. Год появления вышеназванной идеи оценивается автором среди всех предыдущих лет как „наименее неблагоприятный”. Но одновременно этот же год, продолжает автор, был для всех, кто хоть немного был знаком с обстоятельствами его жизни „наиболее неблагоприятным”[13, с. 634]. Каковы же эти трагические обстоятельства?

Этот год был „наименее неблагоприятный” для идейных находок мыслителя. Он успешно окончил второй курс лицея, стал студентом третьего, показал блестящие способности, переосмыслил многие идеи, созвучные его детским и юношеским переживаниям.

Почему же этот год был и „наиболее неблагоприятный”? Какое отношение имела к нему антиномия убийственного эгоизма и бессильного альтруизма, о которой пишет М. Федоров в выше цитированном фрагменте?

На основании нескольких десятков лет поисковой архивной работы, современный исследователь творческой лаборатории С. Семенова документально установила, что обстоятельства этого года были связаны с печальными событиями в жизни юноши, а именно со смертью его родного дяди, попечителя Константина Ивановича Гагарина – человека мягкого и доброго. Именно он оплачивал обучение в Ришельевском лицее Н. Федорова и его старшего брата Александра, который учился в этом же лицее на физико-математическом отделении. Братья, будучи “незаконнорожденными” детьми князя Гагарина, с детства были лишены отцовской любви и ласки. Они были записаны в купеческое сословие, т. е., фактически не были приняты в княжескую семью и получили фамилию, производную от имени их крестного отца Федора Карловича Белявского. Детские переживания будущего автора философии “общего дела” не отличались радужностью, а скорее наоборот: “С детских лет, - писал Н. Федоров, - сохранились у меня три воспоминания: видел я черный, пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга, наконец, узнал я о том, что есть и не родные, чужие, и о том, что сами родные – не родные, а чужие” [цит. по: 10, с.20].

По всей видимости, убийственный эгоизм родственников и вообще людей с детства глубоко отбил в душе Н.Федорова. Светлым пятном на темном фоне общего эгоизма был только его дядя К. Гагарин, человек несомненно альтруистический. Именно он финансировал обучения Николая и Александра в лицее. И вот в 1851 году Константин Иванович умирает. Братья теряют материальную поддержку (они вынуждены были оставить лицей). Потеря настолько ошеломила Н. Федорова, что он на всю дальнейшую жизнь проникся прекрасной идеей воскрешения предков, навеянной в юношеские годы учебы в лицее лекциями по философии профессора И. Михневича.

Список использованной литературы

1. Дневник протоиерея Ивана Михайловича Скворцова // Труды КДА. – 1864. – Кн. 4. – С. 465 – 486;

2. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2-х томах. – Ростов-на-Дону, 1999. – Т. I, Т. II.

3. Михневич Иосиф Григорьевич (некролог) // Киевская старина. – 1885. – № 12.

4. Михневич И. Г. Исторический обзор 40-летия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 год. – Одесса, 1857. 5. Михневич И.Г. Задача философии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1842. – Ч. 34. – С. 67 – 86.

6. Михневич И.Г. Об успехах греческих философов в теоретическом и практическом отношениях // Журнал Министерства народного просвещения. – 1839. – Ч. 24. – С. 129 – 166.

7. Михневич И.Г. О достоинстве философии, ее действительном бытии, содержании и частях // Журнал Министерства народного просвещения. – 1840. – Ч. 25. – С. 111 – 131.

8. Михневич И.Г. Опыт постепенного развития главных действий мышления, как

руководство для первоначального преподавания логики. – Одесса, 1847.

9.Михневич И. Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга, рассматриваемой в связи с системами других германских философов. Речь, читанная на торжественном собрании Ришельевского лицея по случаю окончания 1849 – 1850 академического года. – Одесса, 1850.

10.Семёнова С. Г. Николай Федоров. Творчество жизни. – М, 1990.

11.Семёнова С.Г. Н.Ф. Федоров и его философское наследие // Фёдоров Н.Ф. Сочинения. – М., 1982. – С. 3 – 16. 12.Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х томах. – М., – Т. 2.

13.Фёдоров Н. Ф. Сочинения. – М., 1982.

14.Чалый Н. Вторая киевская гимназия // Киевская старина. – 1900. – Т. LXX, июль-август.

15.Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні. – К., 1992.

16.Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. – Свердловск, 1991.

